

Покатилова Надежда Володаровна

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМУЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА: ЯКУТСКИЙ ЧАБЫРГАХ**

Среди малых жанров якутского фольклора особо выделяется своей архаичностью жанр чабыргах. Впервые специально рассматривается формульная основа этого малого жанра. Выясняется, что его формульность самым тесным образом связана с метрикой короткого стиха. Формульный язык этого жанра представляет собой консервацию наиболее архаических черт поэтического языка устной традиции. Формульная продуктивность жанра сохраняется даже в случаях его использования в литературе.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/11.html](http://www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/11.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 42-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/](http://www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

5. **История и культура татар Западной Сибири:** монография / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «Артифакт» 2015. 728 с.
6. **История татарской литературы:** в 8-ми т. / отв. ред. Р. Ф. Рахмани. Казань: Татарское кн. изд-во, 2014. Т. 1. Древний период и Средние века. 415 с.
7. **Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка** / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
8. **İnan A.** Eski Türk Dini Tarihi. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1976. 256 s.

#### TENGRISM SPIRITUAL VALUES AND TRADITIONS IN THE STRUCTURE OF THE TATAR RELIGIOUS WORLDVIEW

**Mirkhaev Rifat Firdinatovich**, Ph. D. in Philology, Associate Professor  
**Gumerov Il'gam Gusmanovich**, Ph. D. in Philology  
*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences*  
*mirhaev77@mail.ru; ilham05@bk.ru*

Tatar religious worldview is a special system of spiritual values and traditions, world conceptions developed for centuries. In the Tatar religious worldview's structure an important place belongs to the spiritual values and traditions of Tengrism – religion professed by the ancestors of the modern Tatars before Islam adoption. The ancient beliefs associated with personification and sacralization of nature, with the possibility to influence the current events by magical means undergoing certain transformations survived till now with the unique elements distinguishing Tatars from other nations in the spiritual aspect. The article discovers the role and place of Tengrism in the formation of Tatar religious worldview.

*Key words and phrases:* religion; religious worldview; spiritual values and traditions; Islam; Tengrism; personification and sacralization of nature; religious folklore; mythology.

УДК 821.512.157

*Среди малых жанров якутского фольклора особо выделяется своей архаичностью жанр чабыргах. Впервые специально рассматривается формульная основа этого малого жанра. Выясняется, что его формульность самым тесным образом связана с метрикой короткого стиха. Формульный язык этого жанра представляет собой консервацию наиболее архаических черт поэтического языка устной традиции. Формульная продуктивность жанра сохраняется даже в случаях его использования в литературе.*

*Ключевые слова и фразы:* устная традиция; литература; малые жанры фольклора; архаические жанры; поэтический язык; формула; формульный язык; метрика стиха; короткий стих.

**Покатилова Надежда Володаровна**, д. филол. н., профессор  
*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера  
Сибирского отделения Российской академии наук*  
*pnv\_ysu@mail.ru*

#### К ПРОБЛЕМЕ ФОРМУЛЬНОСТИ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА: ЯКУТСКИЙ ЧАБЫРГАХ

В традиционных представлениях о малых жанрах фольклора на первый план выдвигается их обусловленность речевой стихией, связь с актуальным членением речи, отсюда – их говорная, собственно речевая природа. Известная черта этих жанров – малый объем – признается производным от направленности этих жанров на сиюминутную ситуацию. Вместе с тем в некоторых традициях сохранились малые жанры, имеющие в своей основе несколько иную природу, обусловленную формульным нанизыванием строк [8, с. 267]. Речь идет о формульной организации малых жанров, приобретающей в этом случае структурообразующее значение.

Среди малых жанров якутского фольклора (загадка, пословица, поговорка, чабыргах и его разновидности) особо выделяется жанр чабыргах, архаичный по своему происхождению и одновременно продуктивный в качестве жанровой модели, причем не только в устной традиции, но и даже за ее пределами.

На первый взгляд, чабыргах воспринимается как бессмыслица, не имеющая определенной композиционной структуры и семантической значимости. Именно это позволяло видеть в нем отголоски архаичной словесной игры и/или состязаний в словесном мастерстве [9, с. 325, 329]. В то же время исследователями признается его тесная обусловленность речевой ситуацией говорящего, как следствие этого – иногда дидактическая и/или сатирическая направленность этого жанра [Там же, с. 324-325]. Между тем определяющим для этого жанра становится особый формульный язык, связанный с системой устойчивых формульных выражений, характерных только для него. Чабыргах, в отличие от паремий, не существует в виде готового текста, хотя и создается в сиюминутной речевой ситуации, каждый раз он монтируется на основе отдельно взятой «формулы», согласно пониманию этого слова в работах А. Б. Лорда [4, с. 42].

В связи с этим в задачи настоящей статьи входит постановка проблемы формульности применительно к малым жанрам и рассмотрение формульной основы жанра чабыргах в его наиболее традиционной форме. Последнее уточнение существенно, поскольку словом *чабыргах* в якутской традиции обозначаются разные

понятия. С одной стороны, это достаточно широкий диапазон стихотворных (то есть говорных, не поющих) текстов, произносимых в особом, убыстренном темпе, начиная от поговорки, прибаутки, скороговорки и заканчивая детскими считалками. С другой стороны, именно в чабыргах представлен определенный слой разнообразных заклинательных текстов, обозначающих «пустословие» или даже «бессмыслицу» типа зауми, по всей видимости, ритуального происхождения. В якутской традиции представлен достаточно широкий спектр внутрижанровых разновидностей чабыргах – от кратких форм типа детской считалки с числительными до развернутых описаний повествовательного типа с употреблением формул «видения-слышания-знания» (*бильбит-кербют*, а также *лабысха*, *балтаса*). Классическая форма жанра представляет собой нанизывание коротких строк, каждая из которых представляет собой характерное для этого жанра устойчивое словосочетание. Не вдаваясь в подробности жанровых разновидностей, объектом рассмотрения в статье будет преимущественно наиболее распространенный, короткий, тип чабыргах.

**Материал исследования.** Первая систематическая и целенаправленная фиксация основного массива якутского чабыргах была предпринята А. А. Саввиным. В статье используются преимущественно записи А. А. Саввина из материалов Виллойской экспедиции (1934-1935 гг., 1937-1938 гг.) [6, ед. хр. 48, 87; 7, ед. хр. 100, 270]. Выбор этого материала обусловлен тем, что это основной фонд, в котором сосредоточен наиболее архаичный (по показаниям информантов и по представлениям самого собирателя) пласт этого жанра.

**Формульная лексика в чабыргах.** О степени архаичности собранных А. А. Саввиным образцов жанра свидетельствует то, что именно в них:

- 1) встречается форма коротких заклинательных формул, восходящих к ритуально-заговорным речениям древности (*Тун-тун түнүрдээх//; Түөн ойуун көт!!!; Хара ылах лас!!!; Налыха чолуох//*);
- 2) выделяются словосочетания, представляющие звуковой комплекс, в котором отмечена целостность фонологического плана (*Дэгэйээ-дугуйаа//; Чыына-чаана//; Этэбэ-тэтэбэ//; Чуо-чуо Чолбон//*);
- 3) разветвляются в тексте имена собственные (*Чохоччукаан эмээхсин//; Доргуой удабан//; Олдьо дохсун//*); многие из которых могут содержать в себе иносказания (=перифраз), элементы загадки (*Кун тойон кыһын//*), а также заговорного абсурда и заклинательной зауми (*Орулуур дохсун// – «гром»; Дарабана сыар5а// – «созвездие Плеяды»*). Такая архаичная лексика наддиалектного плана восходит к наиболее древнему, мифоритуальному, слою поэтического языка.

Весьма любопытными представляются примечания к образцам жанра, записанные А. А. Саввиным со слов самих сказителей. Безусловным в них является представление о том, что именно чабыргах восходит к древнейшей традиции культовых речений, свидетельством этого становятся неоднократные указания на устойчивость определенного слоя заговорно-заклинательной лексики [7, ед. хр. 87, л. 41].

Следует предположить [5, с. 54-62] несколько видов словосочетаний в формульной лексике чабыргах:

1. Звуковая «заумь» магического плана (*тэнэки-дээрэки; кумуку-дымики; этэхэ бытаха; эрхэл дээрхэл; эрэнээт-тэрэнээт*). Такое словосочетание не этимологизируется, лексическое значение его растворено в магическом словоупотреблении.
2. Устойчивые двусоставные сочетания, состоящие из двух знаменательных слов, в которых создается единичное значение целого с неповторимым оттенком окказиональности (*туптэ кутурук; кыптый буута, тумса чуугус*).
3. Аллитерационно связанные сочетания (*чуо чуо чолбон; контос-конуул; кэллэс-куллас; бады-буду балабан; линкиир-ланкыыр*).
4. Звукоподражательные сочетания, лексическое значение одного из компонентов может быть ослаблено или вовсе утрачено (*кыр кырк кынаттаах; дар дар сыар5алаах*).
5. Парные формулы, хотя их границы с предыдущей группой словосочетаний могут быть весьма подвижны (*окур-букур; кобуо-ибиз; онойон-чонойон, этэбэ-тэтэбэ; холкуй-илкий; кубулун-ибилин*). Среди них можно выделить тавтологические (*буур-буур табалаах; бука-бука буор; дар-дар сыар5алаах*), с усилительным значением (*куус-хаас; уорэн дьуорэн*), антитетические (*дьолкуй-илкий*).

**Формульность и метрика стиха в чабыргах.** Первым, кто описал этот жанр, был основоположник якутской литературы – А. Е. Кулаковский, сначала это было сделано в его комментариях к своему произведению «Чабыргах» (1912) [2, с. 289-290], затем в его «Правилах якутского стихосложения» (1925), где встречается описание «короткого стиха», восходящего предположительно к стиху чабыргах [1]. Метрической единицей является, по обозначению А. Е. Кулаковского, «короткий стих» в два, реже – в три слова, основной слоговой объем строки (2+2) или 4 слога, с незначительными колебаниями слогового объема в 1(2) слога. Первого поэта этот жанр заинтересовал, с одной стороны, своим безусловным отношением к древнейшему слою словесной традиции, с другой – собственно стихотворной основой, достаточно актуальной для создателя литературного стиха. Тем самым впервые было отмечено, что жанр чабыргах не связан с напевом, имеет исконно стихотворную природу. Формула чабыргах охватывает, как правило, одну строку. По представлениям А. Е. Кулаковского, это совпадает с так называемым «коротким стихом» (далее – КС).

Следует добавить, что в классической модели жанра границы стиха отчетливо выделены совпадением метрического и синтаксического членения строки. В этом случае можно говорить почти о сплошной формульности. Однако в развернутых или «повествовательных» (по выражению Г. У. Эргиса) разновидностях чабыргах такое членение строк в соответствие с КС нарушается частыми переносами (enjambement), как, например, в разновидностях *бильбит-кербют* («узнал-увидел») и *лабысха* («пустословие»).

Тем не менее, тесная связь формул чабыргах с границами стиха (=КС) отчетливо демонстрирует основной параметр *формулы*, согласно формульной теории Пэрри-Лорда, а именно: ее метрическую

обусловленность [4, с. 42-43]. Обособленность отдельно взятой одной строки на самом деле оказывается выделенностью метрической единицы стиха. В качестве такой единицы выступает КС, в котором представлен: или особый тип словосочетания (*Кутуруга куймас//*), или имя собственное (*Доропуун ойуун//*), или слитное формульное выражение звукового плана (*Чуо чуо чолбон//*). Тем самым в традиционной форме чабыргах архаическая черта жанра – это закрепленный за ним размер «короткого стиха». Именно метрика стиха определяет подбор слов и, соответственно, формульно структурирует весь текст. В структурировании чабыргах определяющее значение имеет метрическое развертывание формул.

**Текстообразующая функция формулы.** Характер формульного перечисления обусловлен, по всей видимости, определенной логикой мифоритуального развертывания текста как такового. В этом случае есть смысл говорить о текстообразующей функции формулы в этом жанре. Повторяемость формульных словосочетаний становится определяющим показателем в структурировании жанра в целом. С одной стороны, это принцип нанизывания строк (*хоһуйуу*). Отсюда – многочисленные повторы различного рода, близкие к культовым речениям. С другой – реализация принципа мифологического построения текста.

Анализ наиболее архаичного состояния жанра по записям А. А. Саввина показывает, что для стиха чабыргах характерна тенденция к сохранению в пределах строки *слова* в качестве относительно автономной целостности. Речь в этом случае идет о слове не как о единице предложения, а как о единице поэтического языка, «слова в функции формулы, в определенной метрической позиции» [3, с. 173]. Именно поэтому жанр чабыргах, отличаясь от других малых жанров своей формульностью, сохранил в своем арсенале архаизмы, непродуктивные, омертвевшие грамматические формы, вышедшие из употребления, одночленные и двучленные имена собственные, наконец, формулы в первоизданном, не эпизированном виде. Каждый раз в стихе чабыргах воспроизводится словосочетание как единица поэтического языка.

Образцы жанра в большинстве своем отличаются не только начальной выделенностью отдельных, так сказать сигнальных, строк (типа *чуо чуо чолбон; этэбэ-тэтэбэ*), но и своеобразной отмеченностью концовки текста в целом. Дело в том, что в конце чабыргах часто вводится имя собственное, как правило, сопровождаемое аллитерацией. Именно эта особенность жанра позволяла исследователям рассматривать его как текст сатирической направленности, в котором изначально отмечались недостатки какого-либо человека [9, с. 324-325]. Однако имя собственное могло относиться не только к человеку, но и к божеству, шаману или другому сакральному лицу (*Сэмэлинэй эмээхсин//; Чохоччукаан эмээхсин//; Доропуун ойуун//; Ольдью дохсун/ Доргуой удабан*). Характерной особенностью имени собственного в чабыргах является его обязательная аллитерационная отмеченность. Тем самым имя в рамках стиха чабыргах обретает заведомо изолированное положение. Семантика же всего текста начинает строиться вокруг имени собственного. Имя выступает как индивидуальное обозначение «единичных» предметов (качеств, свойств), а в основе текста – древнейшая форма мифологизированного (антропоморфизированного) описания. То, что в традиционной модели чабыргах аллитерируемое имя зачастую приходится на конец текста, служит своеобразным *pointe* жанра.

В пределах жанра чабыргах еще трудно определить границы между формулой, порожденной языковой стихией, и формулой, возникшей как результат отчетливого поэтического варьирования. Тем не менее, формулообразование в пределах этого малого жанра дает возможность наблюдать за этим процессом, где формула предстает равнозначной самой себе и словно бы изымается из поэтического языка как готовое словосочетание.

Несмотря на кажущуюся бессмысленность или утерю магического смысла (*кобуо-ибизэ*), звуковую абсурдность (*этэбэ-тэтэбэ; окур-букур*), формула в чабыргах является своеобразным опознавательным знаком жанра, причем опознаваемым в пределах разных жанров, в первую очередь повествовательных (эпос олонхо, историческое предание, «истории» и различного рода фабулаты), которые могут включать чабыргах или его отдельные формулы.

Формульность в жанре чабыргах позволяет выйти на уровень раскрытия механизмов консервации формульных составляющих поэтического языка. Эта особенность жанра впервые была использована поэтом А. Е. Кулаковским в качестве одной из жанровых моделей. О продуктивности чабыргах свидетельствует возможность заполнения его модели сравнительно новым лексическим содержанием, не характерным для устной традиции, но сохраняющим тот же метрический принцип сочетаемости. Так, формула *мичил-кэскил* («улыбка-счастье») у Кулаковского нетрадиционна и не встречается, например, в записях А. А. Саввина.

В целом именно формульность жанра якутского чабыргах дает возможность реконструировать наиболее архаичное состояние и пути формирования поэтического языка устной традиции.

#### Список литературы

1. Кулаковский А. Е. Правила якутского стихосложения // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, 1925. Вып. 1. Август. С. 76-79.
2. Кулаковский А. Е. Ырыа-Хоһоон (Песни-Стихи). Якутск: Як. книжное изд-во, 1978. 295 с.
3. Левинтон Г. А. Лексика славянских эпических традиций и проблема реконструкции праславянского текста // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 302 с.
4. Лорд А. Сказитель / пер. с англ. и комм. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература, 1994. 369 с.
5. Покатилова Н. В. Якутская аллитерационная поэзия (генезис литературного текста). М.: Айыына, 1999. 163 с.
6. Рукописный отдел ИГиИПМНС Сибирского отделения РАН. Ф. 4. Оп. 12.
7. Рукописный отдел ИГиИПМНС Сибирского отделения РАН. Ф. 5. Оп. 3.
8. Смирницкая О. А. «Речи Гримнира» на эддической сцене // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М.: РГГУ, 1993. С. 257-274.
9. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

**ON THE PROBLEM OF FORMULAICITY IN SMALL GENRES OF FOLKLORE: YAKUT CHABYRKHAKH**

**Pokatilova Nadezhda Volodarovna**, Doctor in Philology, Professor  
*Institute for Humanities Research and the Indigenous Studies of the North*  
*of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*  
*pnv\_ysu@mail.ru*

Among the small genres of Yakut folklore, *chabyrkhakh* – tongue-twister – has great prominence. For the first time, formulaicity foundation of the genre is examined specifically. It becomes clear that its formulaicity is closely connected with the short verse metric. This genre's formulaicity language appears to be a conservation of the most archaic traits of the poetic language of oral tradition. Genre's productivity of the formulaicity is retained even in written text i.e. literature.

*Key words and phrases:* oral tradition; literature; small genres of folklore; archaic genres; poetic language; formula; formulaic language; verse metric; short verse.

УДК 8; 81-114.2

*Статья раскрывает понятие метатекстуальности в литературоведении и лингвистике. Дана краткая характеристика произведений постмодернизма, которые на сегодняшний день обладают наибольшей концентрацией метатекстуальности в рамках художественной литературы. Проведен анализ одного из произведений постмодернистского пласта, на основании которого сделаны выводы об основных смыслообразующих компонентах категории метатекстуальности и функциях метатекста.*

*Ключевые слова и фразы:* метатекстуальность; интертекстуальность; постмодернизм; метатекст; образ автора.

**Прихода Ирина Вениаминовна**  
*Челябинский государственный университет*  
*prihoda-irina@mail.ru*

**ПРОЗА ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК МЕТАТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА-КОММЕНТАРИЯ  
Е. ПОПОВА «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ “ЗЕЛЕННЫХ МУЗЫКАНТОВ”»)**

Постмодернизм как специфический способ мировосприятия и мироотображения прошел долгую фазу латентного формообразования и лишь к концу XX века утвердился в статусе философской категории, фиксирующей ментальную специфику современной эпохи в целом. Постмодернистскому мировоззрению свойственна эпистемологическая неуверенность, т. е. представление о мире как о хаосе. Это обуславливает специфическую форму мироощущения, называемую постмодернистской чувствительностью, отрицающей все системы ценностей и приоритетов. Единственными средствами существования в таком мире могут быть ироничность трактовок, пародирование и десакрализация самых высоких материй.

Признаки постмодернизма как особого способа мировосприятия и мироотображения проецируются на текст.

Рассмотрим особенности постмодернистского прозаического текста (на примере романа-комментария Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» [11, с. 2-332]) с позиции присущей данному пласту произведений метатекстуальности.

Постмодернистский текст характеризуется рядом специфических черт: неопределенность, ситуация «лабиринта смыслов», фрагментарность и принцип произвольного монтажа, разрушение традиционных жанров, инверсия, ирония [6, с. 47].

В основе этого особого способа представления содержания культурных традиций современности лежит понятие интертекстуальности (термин Ю. Кристевой) [7, с. 435], являющееся в настоящее время объектом исследования многих гуманитарных наук.

Одной из многих исследователей интертекстуальности в области лингвистики является Н. С. Олизько. Вслед за Ж. Женеттом, который в попытке обнаружить, конкретизировать и исследовать комплексные отношения между текстами говорит о метатекстуальности, определяя ее как различные формы «критики» – комментарии, интерпретации, рецензии [5, с. 2], исследовательница, занимаясь вопросами типологии интертекстуальности, среди прочих выделяет и метатекстуальность как авторский комментарий на особенности построения собственного текста, обнажающий приемы, используемые для передачи определенного содержания и отражающие процессы становления произведения [9, с. 51].

А. В. Голубков в своей статье «Проблема метатекстуальности и становление мемуаристического стиля во французской литературе XVII века» указывает на наличие метатекстуальных элементов в мемуаристических повествованиях во французской литературе XVII века [4, с. 57]. Общим и основным источником современной концепции метатекстуальности является идея диалогичности М. М. Бахтина [2, с. 230]. Понятие «метатекст» в лингвистике стало широко использоваться после статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте». Авторский монологический текст рассматривается как «двутекст»: само высказывание и высказывание о высказывании или комментарий к высказыванию [3, с. 410].